

Воспоминания Мочалова Алексея Алексеевича

Родился я 6 марта 1923 года в деревне Мочалове Черновецкого (Свердловского) района, в нынешней Кировской области.

Учился в деревне в начальной школе, затем перешел в Успенскую школу в деревне Успенской.

Пока не было колхозов, каждому давали полоску земли, которую надо было обработать, снять урожай. Мы сажали овес, косили, делали скирды, молотили.

Отец поехал на заработки, мать осталась с нами одна. Мы переехали в Новосибирскую область в Гурьевский завод. Там я продолжил обучение. Мне до сих пор вспоминается учительница математики, которая мне многое в ней прояснила. Отец туда вскоре приехал тоже.

Вскоре письмами отец связался с родственниками на Дальнем востоке и узнал, что у них есть возможность заработка – строили линии электропередач. Мы туда приехали. Местность там лесистая. Сначала делали просеки, потом по ним тянули линии. Я участвовал в расчистке территории, а отец уже помогал тянуть линию. Помню даже название телефонно-телеграфной линии Самарка - Верхняя Шетуха.

Когда ее окончили, то переехали в город Спасск, не доезжая до Владивостока 200 км. В Спасске я тоже учился в средней школе. Уже через много лет я ездил во Владивосток отдыхать и, подъезжая к Владивостоку, сошел в Спасске, хотя сначала мне не разрешили. Я посетил место, где мы жили, дошел до школы и увидел директора школы. Поездили мы с ним по городу, добрались до корейского поселка по другим местам.

Среднюю школу я окончил в Узбекистане, в местечке Яньиюль (Янь – Новый, юль - путь). Когда я сдавал экзамены, то сначала повторял математику, которую очень любил, а потом брал баян и играл, или занимался физкультурой. По окончании школы, я не успел получить документы о ее окончании – меня призвали в армию.

У нас, когда я учился в 10 классе, к нам пришли представители из военного училища, эвакуированного из Москвы в Узбекистан. Нас обучали в последнем классе два преподавателя высшей школы. Один из них вел математику. Однажды он вел урок, а его вызвали на педсовет. А он знал, что я успеваю по математике и поручил мне продолжить разъяснение задач. Я стал разъяснять и допустил ошибку, которую повторил весь класс. На следующий день в контрольной работе весь класс допустил ошибку. А я вторично сделал без ошибки. Я получил отлично, а половина двоек. Я стал оправдываться, а мне никто не верит.

Вскоре нас стали отбирать в Московский Государственный автодорожный институт им. Молотова и меня порекомендовали, как способного. На выпускных экзаменах присутствовал представитель из этого института – начальник учебной части. Я ему понравился и он меня пригласил. Я думал, что меня заберут в армию на фронт, а он мне сказал, что

у них в институте бронь – освобождение. Пришел я в военкомат, и мне уточнили, что в институте нет никакой брони и на следующий день я получил повестку.

Привезли меня в Гомельское военное училище, где проучились три месяца, чтобы получить звание.

Помню такой случай. Стали проверять внешний вид – не почищены сапоги, еще какие-то недочеты – в наказание дали нам учить уставы внутренней службы. А у меня хорошая память и я весь устав запомнил. Командир отделения меня проверил и доложил командиру роты, а тот начальнику училища. Я вышел на 20 шагов перед строем и все ответил. Нас – весь батальон - распустили.

Через три месяца вместо шести нас построили и объяснили, противник стал наступать на фронтах и нас направили на передовую. Я попал на Волховский фронт в район Синявино. По дороге на фронт дорогие серебряные часы отдал отцу, чтобы они продали их – я соскочил с поезда и успел на него же.

Воевал на разных фронтах. Начал я с Волховского фронта, потом на Калининском фронте. На Волховском фронте я был радистом.

Еще в Узбекистане я работал в пионерских лагерях инструктором физподготовки. А так всегда поддерживал физическую форму. И на фронте мне все это пригодилось. Нам двоим дали задание. Чтобы его выполнить мы должны были перейти речку через мостик. Я пробежал – меня снайпер не сбил, а за мной побежал друг – получил тяжелое ранение и умер. Я пошел дальше один, чтобы выполнить задание. Финских снайперов мы называли «кукушками», потому что они забирались на деревья и стреляли оттуда.

Выполняя задание я один дошел до железной дороги, где ходили поезда, переполз. Вижу наш блиндаж – я к нему, мне говорят: «Стой, стрелять буду!». Вместо начальника караула выходит майор. Я зашел в блиндаж, рассказал ему откуда я. Он мне показал направление на блиндаж и сказал, чтобы я, дойдя до блиндажа сел и ожидал.

Добрался я до блиндажа, который охранял солдат-узбек, здоровый парень. Он мне сказал, что охраняет в блиндаже трусов и паникеров. Я сел и ожидаю. Вижу – полевая кухня, с которой приехал армянин. Я подошел – он мне налил похлебку целую крышку. Вдруг рядом разорвался снаряд – меня не задело, ни одной царапины, а узбека убило, армянину оторвало руку – сидели мы рядом. Замполит приказал убитого похоронить. А там шла траншея – повернул его, потащил в траншею, сам ползу по-пластунски, дотащил его метров на триста и похоронил.

Мне за все похождения сказали, что назначат меня командиром роты. Я им говорю, что не могу, так как ничего специального военного не заканчивал, как же я буду командовать? У меня спросили: по каким предметам у меня были хорошие оценки – я сказал, что по литературе. Оказалось, что это и было нужно. Меня назначили замполитом.

Пришло пополнение и я провожу беседу. Вскоре стали переводить штаб на другое место и мне дали письмо, чтобы я отнес его по новому месту

дислокации. Нас по дороге заметили. И, когда мы подходили к штабу, начался обстрел. Двое моих сопровождающих упали, но не пострадали, а в меня попали пять осколков. Я вышел из леса, зажав руками раны, увидел старшину, он посмотрел на мое ранение, перевязал меня. После этого я добрался до штаба, отдал письмо, оружие и пошел в санбат.

Меня там любезно встретили, перевязали снова. Раньше был порядок, что если ранение легкое, то в тыл добирались своим ходом на попутках. Медсестра показала мне палатку, где я мог бы отдохнуть, в ней должны быть другие раненые. Я вошел в палатку и увидел, что раненые уже мертвы. Тогда медсестра направила меня на дорогу и я сел на попутку в сторону Калинина (Тверь).

Добрались мы до госпиталя в Твери, а там не было мест. Оттуда я поездом должен был поехать в Москву. Пока ждал его - играл на баяне. Подошел санитарный поезд, врачи и раненые стали плясать, танцевать под мою игру. Стали меня приглашать ехать с ними, но это было бы дезертирством, и я поехал в Москву.

В госпитале меня разместили. Вскоре у меня заболели зубы, а наркотиков у них нет – вырвали зубы без обезболивания. В госпитале я понравился одной медсестре, она вокруг меня все время ходила, я ей сказал, что приехал сюда не любезничать, а лечиться, а она всем говорит, что я ее не люблю, все время от нее отворачиваюсь.

Вскоре меня перевели в подмосковный госпиталь в Пушкино, где я закончил лечение. Оттуда я был направлен в запасной полк в Москве. Здесь увидели, что я гвардеец и перевели в запасной гвардейский полк. Там меня долго держали и не переводили. Однажды пришли в полк офицеры и забрали меня в охрану штаба Западного фронта, а затем во 2 Белорусский фронт. Здесь я стал комсоргом полка.

Однажды меня направили в разведку с двумя солдатами. Мы дошли до переезда и увидели чужих, которые не хотели отвечать, кто они и откуда – мы их задержали. Один из них выбросил коробочку, думая, что тайком. Я поднял ее и увидел семь металлических печатей. Довели мы их до штаба, посадили в помещение, а один из них выложил маузер и положил на стол, как бы угрожая. Я хожу медленно вокруг, а потом раз! – и схватил маузер.

Вызвал я военного следователя по телефону, а он мне говорит, чтобы мы организовали доставку. Взял я еще двоих, связал задержанным руки и повели к следователю. По дороге один из сопровождающих стал меня подговаривать расстрелять задержанных.

К следователю я привел старшего из задержанных. Учинили допрос. А нас отпустили обратно. Утром меня опять вызывает следователь и спрашивает – был ли он вооружен. Я принес ему оружие, а патроны по дороге расстрелял, но меня простили.

К концу войны нас осталось мало молодых. Меня направили учиться в Грозненское военное училище связи, так как у меня отец был связистом. По окончании меня распределили в Армению. Это был уже 1946 год. Я налаживал связь. Вскоре меня назначают дежурным по полку. Командир

полка Борсук дал мне задание проверить полк, выявить недостатки и указать в рапорте. Я отказался проверять и попал на три дня на гауптвахту.

Я связался со штабом и сказал, что не смог выполнить приказ, потому что меня просили все выявленные недостатки скрыть.

В 7 гвардейском полку я выступал с лекциями о самбо, увидели меня на соревнованиях и присвоили мне звание чемпиона. Направили меня в Ленинград в институт учиться. Учился по боксу и классической борьбе на Высших курсах тренеров. Я узнал, что есть институт и написал туда заявление о переводе. Встал вопрос о подтверждении среднего образования. В Узбекистане, где я закончил школу, я не получил аттестат об окончании (наверное отец его позже забрал). Поэтому написал туда запрос о подтверждении окончания школы. Два раза мне присылали документы, только со второго раза они были оформлены верно – за подписью начальника народного образования Узбекистана.

Пока шли документы – я уже успел закончить физкультурный техникум и должен был сдать последний экзамен. Когда я им показал копию аттестата и сдал экзамен по легкой атлетике, меня приняли в институт.

С января 1961 по август 1967 я был преподавателем и старший преподавателем физической подготовки Ленинградской специальной средней школы милиции. Я преподавал самбо. Там, где мы проводили занятие бегала крыса, прямо на ковре – мне об этом все время говорили курсанты. Я не придавал этому значения – мы заканчивали занятия в этом месте.

Прихожу на профосмотр в поликлинику. Врач меня вытолкала из кабинета – у меня желтуха от крысы. В комнате моей квартиры провели санитарную обруботку, а меня направили в Боткинскую больницу. Занимался там физкультурой, а врач мне сказала, что это противопоказано. Давали мне освобождение от физкультуры на три года. Я врачу говорю, что я – преподаватель физкультуры. А он мне говорит, что я могу дать задание, а самому не участвовать, беречь себя. Но я понемногу бегал и вошел в струю и никаких последствий у меня не было.

Я много преподавал после ухода из МВД. До этого я преподавал курсантам, потом детям помладше – школьникам. Детям было тяжело преподавать – долго я перестраивался. Раньше преподавателям средней школы платили за образование и стаж работы. Мне стаж не считали, так как я был инструктором. Я пошел в ВЦСПС и объяснил ситуацию, что я на должности инструктора, а провожу занятия.

Я преподавал физкультуру и строевую подготовку. Также мне поручили преподавать уставы для прибывающих на курсы переподготовки. У меня даже было удостоверение о преподавании на подобных курсах.

В ЛПТУ я курировал строительство нового спортивного комплекса. Мне поручил Захаров организовать курсантов. Я их построил и стал спрашивать, кто умеет строить. Я их назначил подсказывать остальным, как нужно делать. Начали без нас, а я с курсантами уже достраивал.

В старом спортзале мало было места и при моем участии построили отдельно в угловой лестнице зал тяжелой атлетики. Я подсказал об этом Захарову, а он назначил меня. Мы укрепили пол срубками, подставили столбы. Привезли цемент, сделали столбы-подпорки – укрепили пол и потолок.

Помню я как ЛПТУ торжественным маршем ходило на возложение цветов на Чесменское кладбище. Однажды мне поручил замполит привезти на кладбище курсантов. Надо начинать митинг, а замполита нет – все ждут. Я начал рассказ о событии и вдруг вижу – идет замполит. Я досказал до конца, а потом его спрашиваю – почему он опоздал, а он отвечает, что я хорошо веду и он меня не стал прерывать.

Я не собирался уходить из ЛПТУ, но меня Мыльников спросил - сколько я еще хочу служить и я ему ответил, что года два, а он мне – уходите лучше сейчас, а то потом у вас будет плохая характеристика. Я вынужден был уйти.

Я судил когда-то и по фехтованию, и по легкой атлетике, и по гимнастике, и по лыжам. У меня есть удостоверения. Самым любимым видом спорта у меня была спортивная гимнастика.

Окончил я институт физкультуры, теперь этот институт перевели в военно-медицинскую академию.

Наград много. Памятная медаль «За боевые заслуги». Мне ее выдали уже после войны, когда стали проверять, где я воевал и все мои воинские заслуги.

После ухода из ЛПТУ я продолжал работать в школах, преподавал физкультуру.